

УДК 821.511.131

А.А. Арзамазов

**СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА ВЕЩИ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ МАТВЕЕВА
(ОБРАЗНЫЕ КОНСТАНТЫ «ДВЕРЬ» И «ОКНО»)¹**

В статье на примере образов двери и окна рассматриваются семантика и поэтика вещи в поэзии Сергея Матвеева – одного из знаковых современных удмуртских писателей. Устанавливается, что две символические константы являются ключевыми составляющими его образного словаря, семантически сопряжены как с внутренним психологическо-экзистенциальным миром лирического субъекта, так и с внешней урбанистической реальностью, превращающейся в многомерный художественный гипертекст. Поэтическая рецепция образов двери и окна воплощает и фольклорно-мифологические представления С. Матвеева, связана с «затекстовой экстраполяцией» удмуртской традиционной культуры. Интерпретация конкретных стихотворных текстов позволяет судить о художественной значимости предметных реалий, вещного кода в системе удмуртской литературы.

Ключевые слова: современная удмуртская поэзия, образные константы, предметные реалии, этнофутуризм, традиционная культура.

Одним из перспективных направлений удмуртского литературоведения является исследование предметно-вещного кода художественного целого, семантика которого характеризуется многочисленными этнокультурными коннотациями, нуждающимися в научном освещении. Данная статья, частично решая эту задачу, продолжает серию наших публикаций, посвященных образно-символическому ряду современной удмуртской литературы [1-4].

Поэзия Сергея Матвеева располагает значительным образным словарем, который формируется на пересечении национальной художественной традиции и в широком смысле – европейской культуры. Дверь и окно – часто употребляемые символы в творчестве удмуртского поэта, связывающие микрокосм человеческой жизни с макрокосмом природы. Для установления основных семантических функций двух рассматриваемых образов в творческой концепции Матвеева были выбраны сборники «Лул» («Душа», 1994) и «Инсьөрпöртмаськөнъёс» («Космические мистерии», 2011). Если первая книга, небольшая по объему, включает в себя относительно простые для аналитического прочтения тексты, то вторая – «Космические мистерии» – состоит из образно насыщенных, тематически разноректорных стихов, отличающихся сложным языком (обилие неизвестных обычному читателю диалектных слов, синтаксическая «плотность»), актуализацией прежде непривлекавшихся культурных индексов, моделированием новых лирических сценариев.

В сборнике «Лул» дверь вполне предсказуемо появляется как знаковый сегмент любовного хронотопа. В произведении «Вöлдэтлэнöпöртэмчöшкытэз» («Постоянная ровность потолка») [б. С. 25] дверь – одна из конститутивных образных составляющих воображаемой лирическим «Я» любовно-романтической реальности: в дверь однажды постучится она, и они вместе выйдут в дождь, потеряются в ночи, при этом не потеряв друг друга. Любовное чувство героя противится замкнутому пространству, закрытым дверям. Дождь, полночь, природа покровительствуют влюбленным, дарят ощущение неограниченности свободы, новизны взаимного переживания.

В стихотворениях С. Матвеева дверь регулярно выступает в сочетании со словом *сюлэм* «сердце»: «*Нош тон верадмаке, мадид, / Усьтид, лэся, / Сюлэмостэ. / Вань верамдэньыли пушкам...*» («А ты говорила что-то, рассказывала, / Открыла, кажется, дверь своего сердца. / Всё, что ты сказала, я заглотил в нутро...») [б.С. 45]; «*Киниуиз вал мыным, / Зорыку / Мылкыдэз, пе, зибесьодпилем?! / Монпумит! / Жаль-жаль зоркисьтыку, / Усьтиськесюлэмьд – ос выллем*» («Кто говорил мне, / Когда идет дождь, / Настроение угнетает черная туча?! / Я против! / Когда льет, как из ведра, / Открывается сердце – как дверь») [б. С. 62-63]. Дверь сердца, исходя из вышеприведенных строк, открывается любимому человеку. Подобно двери, сердце открывается во время ливня. Дверь в тексте «Возьмаськочингыльтэмдэ» («Жду твоего звонка») становится центральным визуальным символом, связанным с созерцательным ожиданием возвращения любимой: «*Öс шоры учкылыса / Возьмаськочингыльтэмдэ. / Изиськокуддыр,*

¹Статья выполнена в рамках проекта «Предметные реалии удмуртской этнокультуры (грант РГНФ АААА–А16–116042010050–2)

кемдэ, / *Õс шоры учкылыса.* / *Пыдкуара нош кылыса,* / *Уг, угоскиськыжамдэ.* / *Õс шоры учкылыса,* / *Возьмаськочингыльтэмдэ»* («На дверь поглядывая, / Жду твоего звонка. / Засыпаю иногда, бывает, / На дверь поглядывая. / Звук шагов услышав, / Первое время не верю, нет. / На дверь поглядывая, / Жду твоего звонка») [6. С. 48]. Дверь в стихотворении «Луылоик сычетужсекутминутьёс» («Бывают же такие очень тяжелые минуты...») [6. С. 94] является выходом в потусторонний мир, мысли о котором у субъекта возникают в минуты отчаяния, в состоянии усталости от жизни, себя и других.

Образ окна в книге «Лул» неоднократно привлекается автором. Окно притягивает холод, мороз, для них хрупкое оконное стекло не может быть препятствием. Зима бесцеремонно входит в дом, ведет себя по-хозяйски, сковывает тело, останавливает мысли. Окно превращается в холст, подходящий для живописных зимних импровизаций [6. С. 94]. Холод, в восприятии лирического героя, перестает быть простым природным явлением, он становится активно действующим персонажем, обретает антропоморфные черты. Встречаясь с ним, «Я» осознает собственную слабость, уязвимость перед его мощью. В стихотворении с наивно-трагическим сюжетом «Тодысыська» («Белый цветок») [6. С. 97] белый цветок, растущий на окне, тянется к свету зимы, полагая, что снежинки – его подружки. Прикосновение к стеклу оказывается фатальным: холод «срывает» цветок. Поэт проводит параллель между растением и человеком – в любой момент жизнь может оборваться, сердца может коснуться холод смерти. Образ окна семантически перекликается с зимой в тексте «Шокчонме укноысьпужмерлыкузьмало» («Подарю дыхание инею с окна»): *«Шокчонме / Укноысьпужмерлыкузьмало, / Синъёсме / Та пурьсыдуннеебышкало. / Адзытэкбуёлзэ / Пельыным-синмыным, / Та косыткымесэз / Сэрпалтоукнолы»* («Свое дыхание / Инею на окне подарю, / Свои глаза / В этот серый мир вонжу. / Не видя цвета / Ушами-глазами, / Этот сухой лоб / Отброшу окну») [6. С. 98]. «Отбросить лоб окну» – словосочетание, выражающее протест, сигнализирующее об одиночестве, желании вырваться из клетки дома, изменить привычную, надоевшую модель бытия. Лирический герой бежит с окровавленным лицом по снегу, надеясь на сопереживание, сочувствие. Однако мир города глух и слеп, не реагирует на страдания раненого человека. В стихах раннего С. Матвеева регулярно эксплицируются недовольство собой, окружением, разочарование в своем чувственном опыте. Звучат и суицидальные мотивы, которые в зрелых текстах сходят на нет. Мотив одиночества в стихотворении «Вордиськемнуналам» («В мой день рождения») [6. С. 84] косвенно связан с окном. Лирический субъект отмечает день рождения в компании собственной тени – она единственный собеседник. Но когда в окно стучится рассвет, тень исчезает. Новый день, новый год начинаются с ощущения пустоты городской квартиры, с осознания отсутствия близких, любимых людей, кому можно довериться, открыть душу.

В книге «Инсьөрпёртмаськонъёс» имеются многочисленные примеры употребления образов двери и окна. Лирический сюжет в стихотворении «Сюлэмампыризыёны кадъ» («В сердце вошла, подобно осоту») [5. С. 35] строится на экспликации мужских страхов, опасений. В дверь стучится новая любовь, однако ее нужно остерегаться, ей следует показать в нужный момент шипы. Необходимо помнить, что любовь в стихах С. Матвеева обычно несчастная, неразделенная, на грани помешательства. Дверь в поэтическом измерении определяет границу, проходящую между внешним миром и частной жизнью человека. В художественной действительности произведения «Пилемоинбам. Тулыс» («Пасмурное небо. Весна») [5. С. 60] привычные пространственные законы теряют силу – «Я» пребывает вне этих условий, природных аксиом. Оно стремится в бесконечность вселенной, за «двери» банального земного человеческого бытия. Невзирая на семантические разрывы в тексте, некоторую образную и событийную несогласованность, авторский посыл очевиден – «Я»-субъект, в книге часто выступающий в роли поэта, художника, противопоставляет себя простому обывателю, бытовому человеку, ограниченному в постижении смысла жизни. Дверь, порог в тексте «Со кутскизос кусыпдорысен» («Он / она начал(а) с порога») [5. С. 69] – те точки пространства, откуда начинаются взаимоотношения лирического персонажа с неизвестным третьим лицом, вырывающим из урбанистической повседневности, настойчиво зовущим за собой. Открывая символизирующую начало пути дверь, герой делает шаг навстречу новой реальности. По всей видимости, применительно к рассматриваемой сюжетной ситуации речь может идти о сакральном акте творения (написании стихотворения). Интерпретируемый текст, состоящий из семи строф, изобилует глаголами. Творческий процесс в определении-ощущении лирического «Я» является динамичным, его сознание находится в постоянном напряжении, в режиме наблюдения, поиска. В стихотворении «Яратиськотонэ...» («Люблю тебя...») [5. С. 101] лирический герой стучится в дверь любимой, понимая, что пришел с пустыми руками. Постулируются рассеянность, забывчивость «Я»-персонажа. Это говорящие качества, фокусирующие его отсутствие в хронотопах настоящего. Земные

явления, события, даже такие важные, как любовь, нередко оказываются для него вторичными. Разум субъекта либо устремлен к поэтическому космосу, либо сосредоточен на тайнописи природы, вписанной в городской ландшафт. Дверь в данном контексте – образ, возвращающий в «здесь и сейчас», в ответственный момент встречи с любимой.

Дверь появляется там, где необходимо подчеркнуть дифференцированность, отделенность друг от друга предметов, пространственных измерений, временных отрезков, людей. В произведении «Кизили шиёинбам» («Небо с шипами звезд») [5. С. 154] «Я»-персонаж полагает, что дверь делит мир на две части – на какие именно, не уточняется. С. Матвеев в своем творчестве регулярно уходит от семантической конкретизации того или иного образа, лирической сцены – реципиент, вероятно, должен сам «преодолеть» эту смысловую недосказанность. Поэт постоянно дает понять читателю, что для толкования текста нужно много думать, включать «рецептивное воображение», опираться на сквозные в поэзии С. Матвеева сентенции. Образ двери и мотив ожидания взаимодействуют на содержательном уровне в стихотворении «Ярдуротудву» («Ограниченное берегами половодье»). Открытые настежь двери словно приближают прибытие любимой женщины: «*Ось ёсты вол-волакусьяса, / Вуондэвозьмасько...*» («Двери распахивая, / Твоего прибытия ожидаю...») [5. С. 232].

В ряде стихотворений двери и окна образуют композит. С их помощью осуществляется переход от внешних впечатлений к внутреннему миру субъекта. Два образа представлены в стихотворении «Пи» («Число Пи»). Под окнами растет рябина, ее кроваво-красные плоды воздействуют на сознание, «ослепляют», как будто подталкивают к принятию рокового решения. Находясь рядом с окном, герой автоматически начинает думать о возможности прыжка: «*Палэзьюукуноулын, / Шонергеске, палэзёс / Кузазысинмамтылын – / Вир тусо; укнулэзёз / Ас пыртизмонэ яке / Ёгатовоза огдырлы... / Я тэтчомон – я усё?...*» («Рябина под окном, / Если точнее, гроздь рябины. / Повисли в моих глазах огнем – / Кровавые; окно пропустит / Через себя меня или / Задержит на какое-то время... / То ли прыгну я – то ли упаду?...») [5. С. 126-127]. Прерывает суицидальные мысли внезапный стук в дверь. Герою нужно закрыть окно, окно и дверь не должны одновременно быть открытыми.

Двери и окна «отгораживают» героя от городских сумерек в стихотворном произведении «Акшан. Оген» («Сумерки. В одиночестве»). Душный летний вечер, спертый воздух квартиры пробуждает в человеке мифологическую гиперчувствительность – он слышит вздохи стен, чувствует, как к душе прикасается сам Инмар (верховный бог удмуртов). В картине окон – синеющее «акварельное» небо, сумерки, профиль города: «*Лызмытинбам – / Нап акварель. / Акшан. Огнам. / Из Ижкаре. / Окытомыр. / Бльняньмактал – / Ыужсьёмыр / Укнопасьта*» («Синеватое небо – / Густая акварель. / Сумерки. Я один. / Каменный мой Ижевск. / Спертый воздух. / Жидкое мыло – / Поднимается неровно / По ширине окна») [5. С. 166]. Обращает на себя внимание поэтическая визуализация летней духоты, вечернего зноя. Дверь на горизонтах текста возникает как символ возможно-невозможного избавления от одиночества. «Я» просит прийти к нему того, кто далеко: «*Окытомыр – / Шокче со кын. / Осам тон пыр, / Кинкыдёкын*» («Спертый воздух – / Дышит он холодом. / В мою дверь войди ты, / Та, кто далеко»).

Окна, уже без композиционного ансамбля с дверью, повсеместно встречаются в книге «Космические мистерии». Рассмотрим наиболее характерные примеры художественного привлечения данного символа. Окно показывает лирическому герою макрокосм – природу, небо, облака: «*Вуийиськосеремес но мозмытсалкымаомырын. / Укноямпилямёскечырско но соку укзымо...*» («Я зеваю смешно и печально в охлажденном воздухе. / В мои окна опрокидываются облака и сразу ныряют...») [5. С. 35]. Окна приоткрывают тайные стороны жизни человека. В стихотворении «Тёл туга йырсиостэ» («Ветер запутывает твои волосы») [5. С. 80] лирический персонаж расхваливает красоту своей возлюбленной, замечая, что даже месяц стесняется любоваться в окно благородной белизной ее кожи. В тексте «Монмалпай та береулыны но углу» («Я думал, после этого невозможно жить») [5. С. 84] окно пропускает в дом, в личное пространство лирического героя неведомую силу. Она вырывает субъекта из его привычной жизни, манипулирует его душой, поднимает в небо, кружит над землей, дает возможность испытать одновременно и блаженство, и экстаз, и страх. Этот полет воспринимается как своеобразная награда за боль, обиды, унижения, страдания, пережитые в пространстве города. Однако что будет после? Сумеет ли «Я» остаться самим собой, впишется ли он в прежние рамки человеческого бытия? Дольний мир в одном из текстов противопоставлен космосу. Первый ассоциируется с окном, второй – с картиной, произведением искусства: «*Дунне – укно, инсьор – суред*» («Мир – окно, космос – картина») [5. С. 94]. Мир-окно не обладает для лирического я достаточными размерами, масштабами *укно – пичи* («окно – маленькое»), его поэтическая душа «нацелена» на бесконечность космического универсума.

Довольно часто в стихах С. Матвеева появляются семантически затемненные участки текста, требующие повышенного внимания к каждому слову. В произведении «Ма, мѳзытук, мѳзыт...» («Ну, тоскливо же, тоскливо...») встречается немало, на первый взгляд, странных образных сочетаний, художественная функция которых – описание психологических состояний лирического персонажа. Например, строки «Укноямошетсэсвѳлды / Сюлэмы, синкыли, сюлэмы» («На окна мои повесят шторы. / Сердце мое, слезы, сердце мое») [5. С. 159] представляются оригинальным выразительным кодом. Сердце (раненое), слезы «завешивают» окна жизни. Боль, терзания, нереализованные ожидания, несбывшиеся мечты вновь становятся внутренними доминантами «Я», осложняются его взаимоотношения с окружающим миром, городом, с любимой женой.

Образ окна в книге «Инсьѳрпѳртмаськоньѳс» красноречиво демонстрирует, насколько важно для лирического субъекта общение с природой, пусть и виртуальное, «опосредованное» стеклом. Живя в городе, персонаж С. Матвеева довольствуется теми видами природы, которые для него вмещают окна. Следует заметить, что «взгляды в природу» посредством окон многоэтажек чаще бывают спонтанными, случайными. Они выполняют своеобразную функцию мыслительного / созерцательного переключения, «отвлекают» от эгоцентрических обыкновений мужского «Я», телесных удовольствий: «Шунытмугорлэсь но шуакакыльтод, / Шынытыйгаськозукноядгольыквей...» («Внезапно найдется теплое тело, / Тихо постучится в твоё окно голая ветка...») [5. С. 195].

Регулярная символическая актуализация рассматриваемых образов в поэзии С. Матвеева, с одной стороны, показывает, что автор создает свой художественный мир в контексте традиций удмуртской литературы – «дверь» и «окно» оказываются важнейшими составляющими образной системы удмуртских поэтов. С другой, очевидны собственно авторские стратегии семантизации двух констант, устремленность авторского сознания к созданию многочисленных психологических подтекстов, вписанность символов в урбанистический хронотоп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамазов А.А. Мотивно-образный кластер «времена года» в поэзии Сергея Матвеева (книга «Инсьѳрпѳртмаськоньѳс») // European Social Science Journal. 2014. № 12. С. 65-73.
2. Арзамазов А.А. Образы двери и окна в поэзии Р. Мина // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2015. Вып. 2. С. 160-163.
3. Арзамазов А.А. Символика двери и окна в удмуртской женской поэзии (Л. Кутянова, Л. Нянькина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. С. 37-43.
4. Арзамазов А.А. Символический код в культурной памяти П. Захарова // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2009. Вып. 3. С. 128-133.
5. Матвеев С.В. Инсьѳрпѳртмаськоньѳс: кылбурьѳс. Ижевск, 2011. 288 с.
6. Матвеев С.В. Лул: кылбурьѳс. Ижевск, 1994. 128 с.

Поступила в редакцию 18.07.16

A.A. Arzamazov

SEMANTICS AND POETICS OF THINGS IN THE POETRY BY SERGEY MATVEEV (FIGURATIVE CONSTANTS "DOOR" AND "WINDOW")

Using the images of doors and windows as examples, the semantics and poetics of things in the poetry of Sergey Matveyev, one of the most significant modern Udmurt writers, are considered. It is established that the two symbolic constants are the key components of his figurative vocabulary and are semantically related to the internal psychological and existential world of the lyrical subject and the external urban reality, which turns into a multidimensional artistic hypertext. In the poetic reception of S. Matveev, the images of doors and windows are associated with folklore and mythological ideas of the author and with the "transtextual extrapolation" of the Udmurt traditional culture. The interpretation of specific poetic texts allows one to judge about the artistic significance of substantive realities and the code of things in the system of the Udmurt literature.

Keywords: modern Udmurt poetry, figurative constants, substantive realities, ethnofuturism, traditional culture.

Арзамазов Алексей Андреевич,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: arzami@rambler.ru

Arzamazov A.A.,
Candidate of Philology, Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: arzami@rambler.ru